

XVII, 49369/150

1-й кн. ✓

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ



№

ПЕТРОГРАДЪ.

9

НА 15 КОП.

НА СТАНЦІЯХЪ Ж. Д. 20 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ОТЕЧЕСТВО».

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Король, Законъ и Свобода.

ПЬЕСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

цѣна 75 коп.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(о еврейскомъ вопросѣ).

цѣна 20 коп.

Вся выручка поступаетъ въ «Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны».

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

В О Й Н А.

С Т И Х И.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУМЫ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

СТИХИ О РОССИИ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ Общество Русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны.

ВОЙНА ВЪ ЦИФРАХЪ

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи.
Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армій.—Прияеиность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславливающія исходъ войнъ.—Кровопротитныя сраженія.—Осады: потери людьми и матеріальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

цѣна 50 коп.

А. ГРИНЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ИСТОРИИ.

цѣна 1 руб.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОПРАВОВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

цѣна 1 руб.

ОТЕЧЕСТВО

1-й. э. н. з.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

1915

Я Н В А Р Ь.

№ 2

ДА БУДЕТЬ ЖИЗНЬ!

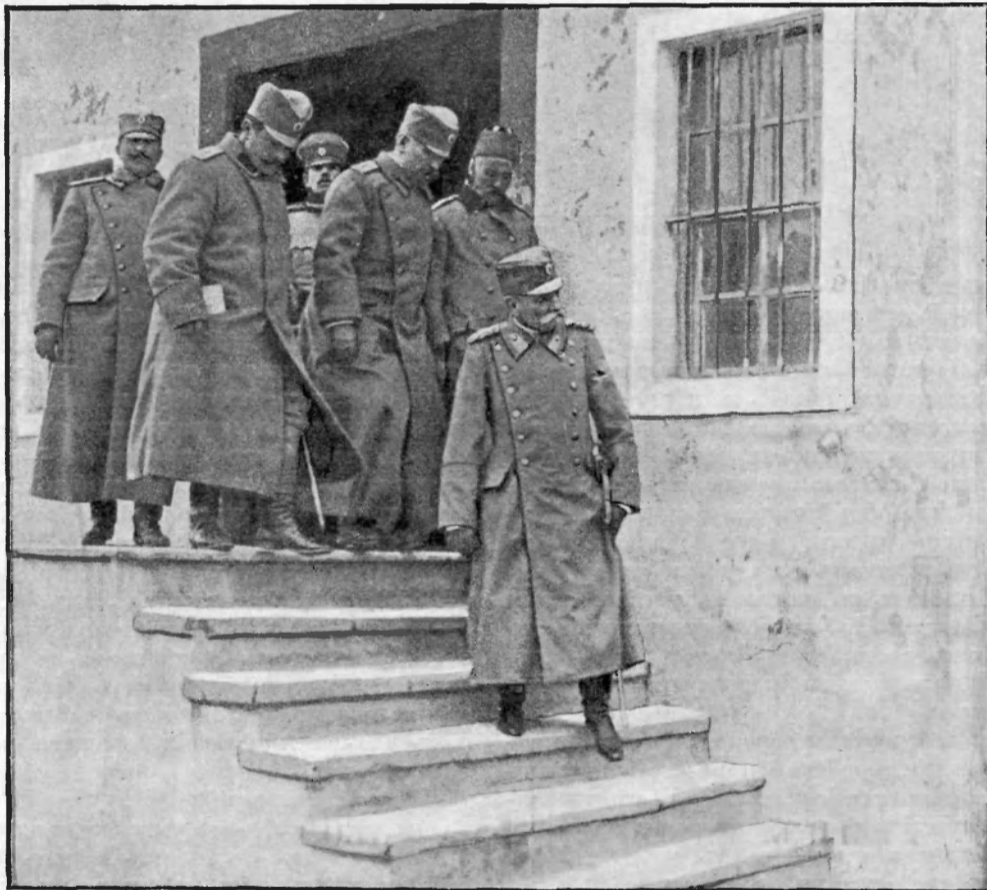
Въ эти строгіе, тихіе дни надъ страню рветъ благоговѣнный и чистый трепетъ ожиданія. Одно виднѣе властвуетъ всѣми—сѣрые просторы безбрежныхъ полей, гдѣ къ земной груди приникли тысячи тысячъ милыхъ сердцу. Надъ ними рвутся снаряды, ударяють о валъ зловѣщими огнями каскады разрывныхъ пуль. Такъ много ушло уже въ землю, словно хороня въ глухомъ одиночествѣ смерти усталость и славу. Но все еще горитъ огнями смерти старый храмъ полей, и все новыя тысячи людей покидаютъ города и села, чтобы тамъ, у лона матери земли, показать врагу, кто — Антей, кто крѣпится въ чашѣ лѣсовъ и на раздольѣ просторовъ.

А мы—тѣ, что на паперти храма будущаго робко и радостно ждемъ просвѣтляющаго хора побѣды,—мы видимъ, какъ надъ кровавыми зорями полей смерти яснѣетъ новый, невиданный день. Души, очищенныя крестною мукой подвига и состраданія, съ нѣмымъ изумленіемъ глядятъ на свои дряхлыя вчерашнія скорби. Неужели вчера только мы покорно склонялись передъ мутною

волною самоубійствъ, уносившей лучшихъ изъ насъ,—тѣхъ, что горятъ теперь любовью и смертью? Неужели вчера пронесся отравленный смерчъ «половыхъ проблемъ», унесшій тысячи молодыхъ жизней, испепелившій столько чистыхъ душъ? Неужели вчера

больная подозрительность и дѣтское невѣжество внимали навѣтамъ клеветниковъ и льстивыхъ холоповъ черни?

Яснѣетъ душа послѣ темной, глухомолчавшей ночи, и съ вершины народнаго подвижничества открывается даль безъ конца, даль на деждь, свѣтлыхъ и открыляющихъ. Какъ озаренные яркой молніей, разглядѣли мы и лица нашихъ спутниковъ въ ночи безвременья... Великое благородство, великія силы подвижничества наши мы на



СЕРБСКІЙ КОРОЛЬ ПЕТРЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КВАРТИРѢ.

Руси. И въ радостномъ очарованіи видимъ, что есть съ кѣмъ строить, есть кому возродить сѣмена культуры и покрыть восточныя равнины цвѣтущими садами новой жизни.

Когда плѣненная вѣками Россія услышала снова зовъ къ Царьграду, когда далекій идеаль достиженія



СЕРБСКІЙ СТОРОЖЕВОЙ ПОСТЪ.

южнаго моря сталъ вопросомъ дѣйствительности, когда задача стать міровой державой развернулась передъ нею во всемъ своемъ величїи, — тогда услышали мы голоса вѣрности и братства оттуда, гдѣ давно несли бы ихъ, если бы голоса клеветниковъ не заглушали ихъ.

Русская интеллигенція, которую наемники и добровольцы клеветы проклинали навѣки, какъ безсильную понять «пути» нашей государственности, эта интеллигенція теперь нашла общій съ властью и съ арміей языкъ національныхъ задачъ, и сердечность этого примиренія служить залогомъ будущей мощи родины. Окраины словно спорятъ съ центромъ о твердости и волѣ приносить жертвы. Зрѣлище армянскаго и польскаго народовъ, какъ аванпостовъ Россїи, пророчить намъ, какъ мы будемъ сильны, идя путемъ мудрой и благостной политики.

Измученное притѣсненїями еврейство, козлище отпущенїя за «увлеченїя» еврейской и русской интеллигенціи, зажгло свои потухшіе глаза вѣрой въ искренность братскихъ чувствъ русскаго народа и бодро несетъ жертвы людьми и имуществомъ, чувствуя, что братья по борьбѣ не оставятъ его какъ прежде, въ жертву челоуконенавистникамъ и мракобѣсамъ.

Смѣшными дѣтьми кажутся тѣ, кто всенародную Имперїю хотѣли сковать дѣтскими пеленками «зоологическаго», якобы «русскаго» исповѣднаго и расоваго націонализма.

Россїя должна стать великой, мы вѣримъ въ нее, потому что вѣримъ въ себя. Русскій языкъ—могучій свѣточъ культуры, — долженъ перешагнуть черезъ

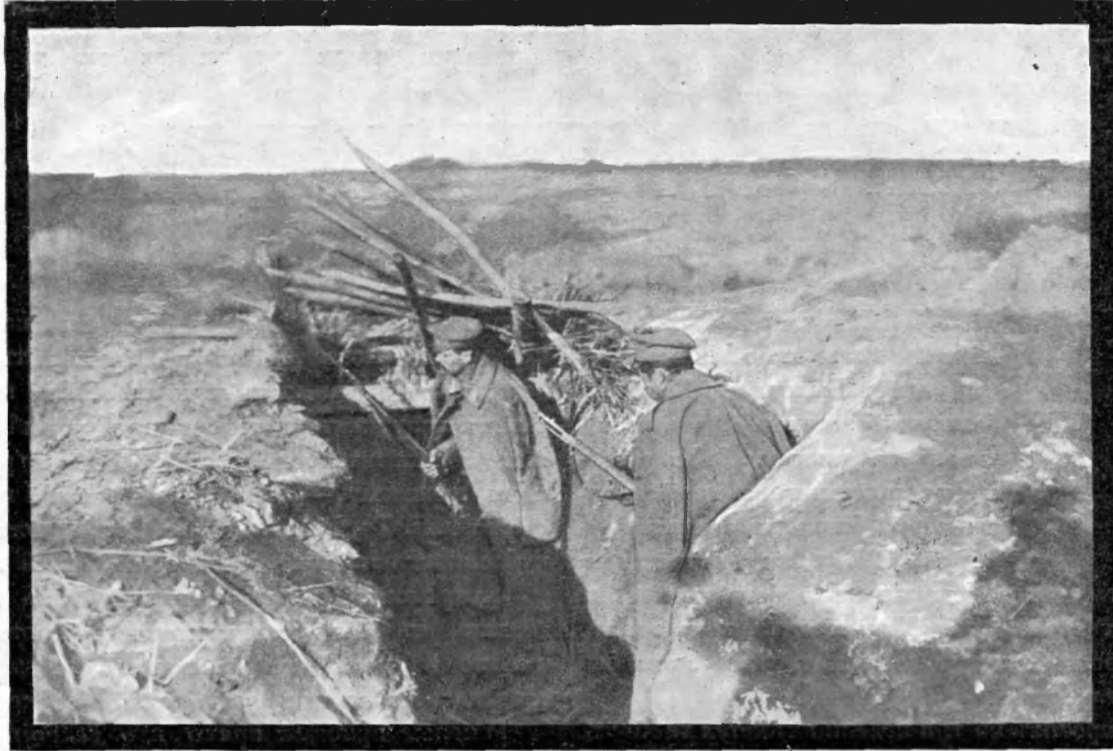
прусскія рогадки и стать равноправнымъ съ «литературными» языками Запада, членомъ ихъ семьи. Съ жаромъ неопитовъ, на развалинахъ войны должны мы строить зданїе русской культуры, сплетая востокъ и западъ, черпая изъ всѣхъ вѣковыхъ водоемовъ народной мысли, радуясь всѣмъ, кто поможетъ намъ. Или великое творчество—или небытіе. Или русская культура силой единенїя всѣхъ племенъ страны выростетъ въ могучее и новое зданїе, или бесплодны наши грезы о міровой роли Россїи. Чтобы выйти въ моря, чтобы расцвѣтшей индустріей кормить народъ, чтобы создать гражданина тамъ, гдѣ рабъ спорилъ съ анархистомъ, — нужна своя культура, горделивая и глубокая. Пусть въ тѣни ея растутъ и культуры народовъ Россїи, пусть каждый изъ нихъ имѣетъ свое, особое творчество. Но надъ всѣмъ, какъ общій куполь чаемой Аїя Софіи, высится все покрывающая новая Россїя.

Русская интеллигенція, русскіе иновѣрцы, инородцы, окраины, — всѣ выдержали экзаменъ передъ лицомъ исторїи. Въ грозный часъ бодрость и вѣра окрылили усталыхъ и измученныхъ. Въ братскомъ единенїи слились армія и народъ, центръ и окраины, гонители, гонимые, теперь равно покорные идеалу и путямъ народа. Плоды этого будутъ неисчислимы. Тѣ, кто въ этой войнѣ нашли благородную цѣль жизни, понесутъ и дальше сладкое бремя судебъ родины и ея культуры.

Да будетъ трудъ, да будетъ жизнь!

Б. Г.

(Собств. журн. «Отечество»).



Стихи Валерия Брюсова

ВЪ ОКОПѢ

Въ семьѣ суровыхъ ветерановъ
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали — подъ снѣгомъ спитъ Цѣхановъ,
И даль въ снѣгу погребена.

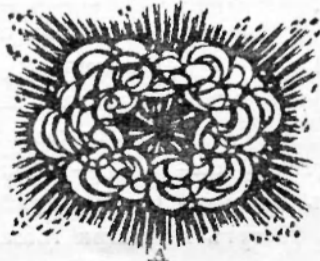
Незримо судьбы всей Европы
Съ судьбой уральцевъ сплетены.
Но нынче въ снѣжные окопы
Доходитъ смутно гулъ войны.

Неизмѣримымъ бредятъ грезы,
Крушеньемъ царствъ и благомъ всѣхъ...
А здѣсь — рассказы про шимозы
Смѣняетъ беззаботный смѣхъ.

Сквозь сѣрые туманы, солнце
Неярко свѣтитъ, безъ лучей.
Тиха бесѣда о японцѣ,
И равномернѣнъ звукъ рѣчей.

Миръ крикнулъ этимъ бородатымъ
Сибирякамъ: „Братъ, выручай!“
И странно съ сумрачнымъ солдатомъ
Пить на досугѣ мутный чай.

26 декабря 1914.
Цѣхановъ.



ТАНЬ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡

ЕВРЕЙСКІЯ ЧАСТИ



ЕВРЕЙСКИХЪ частей, какъ пзвѣстно, не бываетъ, но я все-таки ихъ видѣлъ. Было это въ Кіевѣ, въ бесплатной столовой, что возлѣ хоральной синагоги. Здѣсь раздаются по праздникамъ евреямъ солдатамъ бесплатныя каширныя обѣды. Ибо между еврейскими солдатами есть всякіе. Одни ѣдятъ и вѣчно и сало и только приговариваютъ. «Хочь ключья, хочь вонна, абы кашка повна (хоть кудель, хочь шерсть, лишь бы наполнить желудокъ)».

Другіе напротивъ по три недѣли питаются хлѣбомъ и чаемъ, лишь бы не съѣсть запрещеннаго.

— Что же такое, — сказала мнѣ одна въ отвѣтъ на мои упреки по поводу этого воздержанія. — Хлѣбъ, чай — самая еврейская ѣда. Я дома тоже кушалъ чай съ хлѣбцемъ.

Но въ бесплатной столовой по праздникамъ вопиамъ еврейскаго закона раздаютъ горячій супъ и даже, шутка сказать, — фаршированную рыбу. Я пришелъ въ полъ-обѣда и увидѣлъ поразительное зрѣлище. Двѣсти солдатъ сидѣли за длинными столами плечо въ плечо и хлѣбали горячую жижу, нагибали тарелку, чтобъ выхлѣбать все до конца. Лица ихъ были потны и курчавые волосы прилипли къ вискамъ. Странно было глядѣть на эти тиничныя еврейскія лица, характерныя носы, глаза, полныя привычной печали. Но сбрая одежда, погоны, пояса, нумера, равняли ихъ съ другими, съ тѣми миллионами, маленькой частицей которыхъ была эта еврейская группа. Шинели ихъ были потерты и сапоги поношены и ружья, поставленныя въ уголъ, сверкали холодной и тусклою стальною угрозой...

Служка синагоги, луноглазый паренекъ лѣтъ 18, взялъ одно ружье и сталъ выдергивать и разсматривать затворъ.

— Не трѣгай! — сердито сказалъ хозяинъ ружья; быстро вскочилъ, отнялъ ружье и поставилъ на мѣсто.

Я подошелъ изъ угла къ одному рыжему носатому солдату и вѣжливо спросилъ:

— А вы откуда?

И къ моему невыразимому удивленію онъ отвѣчалъ: А мы кшукки!

Что онъ былъ совсѣмъ не еврей, а русскій, «калуцкій», который соблазнился попробовать крупичатой булки и шуки послѣ казеннаго обѣда. И тутъ я

увидѣлъ лишній разъ, какъ обманчива паружность и глаза наблюдателя видятъ въ предметахъ и людяхъ лишь то, что ожидаютъ увидѣть. Было въ столовой такихъ калуцкихъ и тамбовскихъ человекъ 10—15. А за переднимъ столомъ сидѣла особая группа въ бѣлыхъ повязкахъ. — сбрыхъ отъ дорожной грязи и кievской пыли. То были раненые, легко раненые, съ порубленнымъ плечомъ, съ прострѣленной икрой ноги, съ отстрѣленнымъ пальцемъ руки. Они пришли съ вокзала, съ тѣхъ санитарныхъ повозокъ, которые именно въ тотъ день проходили сквозь Кіевъ, направляясь къ востоку, и застряли до вечера.

Раненые прибыли прямо изъ Галиціи, отъ Самбора, отъ Ярослава, отъ Черемышля, изъ смертныхъ тяжелыхъ боевъ.

Они были центромъ всеобщаго вниманія. Меня поразили ихъ странныя жуткія лица. Я подошелъ къ одному и спросилъ:

— Къ чему это вы все прислушиваетесь?

И онъ усмѣхнулся смущенно и сказалъ:

— Да вотъ все не могу привыкнуть. Очень ужъ тихо здѣсь...

Столовая жужжала шумомъ и говоромъ, но онъ недавно просидѣлъ нѣдѣлю въ передовыхъ окопахъ подъ громомъ канонады и какъ будто и обѣдать не могъ безъ аккомпанимента пушекъ. Одна рука его была на перевязи, а другая здоровая держала ложку. Была эта рука — черная, какъ голенище, съ грубою кожей и короткими ногтями, забитыми грязью. И весь онъ былъ какой то роговидный и засыпанный землей.

— Что вы, землекопъ? — спросилъ я довольно наивно.

И онъ усмѣхнулся угрюмо и сказалъ: — Всѣ на войнѣ землеконы, а на волѣ я былъ провизоръ...

— А я ювелиръ, — оговзвался его сосѣдь, который тоже былъ похожъ скорѣе на смолокура.

— Вѣрите: маншку послалъ и бѣлые манжеты. А теперь ужъ и мыться разучился...

Глядя на нихъ, я видѣлъ воочию, какъ въ сущности люди похожи другъ на друга и какъ ихъ равняютъ общее страданіе и общая работа. дѣлаютъ ихъ однотипными, какъ гореть орѣховъ, какъ лепта коническихъ пуль, вылитыхъ сразу, того же калибра.

— А зачѣмъ на войнѣ землеконы? — спросилъ повзбранецъ съ бѣднымъ лицомъ и огромными черными глазами.



Рис. М. Соломонова.

ТИПЫ БЪЖЕНЦЕВЪ-ЕВРЕЕВЪ.

(Собств. журн. «Отечество»).

— Зачѣмъ землекопы? — повторилъ ювелиръ-смо-
докуръ. — Вопъ это лопата твоя, — сказалъ онъ, ука-
зывая въ уголъ. — Такъ помни: солдатская лопата все
одно солдатская присяга. Скатку брось, рапецъ брось,
а лопату храни до самой своей смерти. А если лопаты
не станеть, такъ царапай ногтями. Выкопай ямку
хоть такую, чтобъ носъ запрятать и то уже помощь...

Носъ у него кстати былъ солидныхъ размѣровъ,
и чтобы спрятать его надо было вырыть порядочную
ямку.

— Вытянешься, ляжешь, — рассказывалъ онъ, —
ружье на руку, а лопату вотъ этакъ поставишь про-
тивъ головы, все-таки защита...

— Ой, рука!..

Онъ расхотѣлся и всталъ пзъ-за стола и хотѣлъ
показать намъ на дѣлѣ, какъ защищаютъ лопатою го-
лову и прячуть въ ямку носъ. Но больная рука не-
ожиданно напомнила ему о битвѣ нагляднѣе словъ.

— А что-жь, вы въ атаку ходили? — спросилъ его
другой нобранецъ съ жаднымъ любопытствомъ.

— Ну что, ходилъ, — проворчалъ онъ, — три раза
ходилъ...

— Страшно, небось...

Ювелиръ покачалъ головой.

— Это тутъ страшно теперь за обѣдомъ... А
тогда забываешь... Одно есть, правда, страшное...

— Что страшное, что? — спросилъ нобранецъ
настоячно.

— То страшное, чтобъ онъ тебѣ сзади не за-
шелъ... Все равно, злая собака. Если въ глаза ей смо-
трѣть, такъ она тебя бонется. А спину повернуть,
такъ она тебя порветъ...

— А, небось, поворачивалъ спину? — спросилъ но-
бранецъ и внезапно усмѣхнулся.

— Не дай Богъ, — отвѣтилъ убѣжденно ювелиръ. —
Тогда бы я живой не пришелъ.

— Вы это послѣ поймете, — сказалъ онъ спихо-
дительно. — Когда ты въ окопѣ лежишь, то конечно,
встать трудно, ноги пудовыя. А ежели всталъ, и по-
шелъ, и пошелъ, ужъ назадъ не повернешь. Солдатъ,
какъ пуля, летитъ впередъ. Кто повернулъ, тотъ зна-
читъ, отскочилъ и упалъ, какъ пуля отскочила...

Онъ видимо старался объяснить намъ, какъ умѣлъ
психологию порыва и тяжелую инерцію атаки.

— Скажите,—спросилъ я его.—Когда въ атаку идутъ, то думаютъ о чемъ-нибудь?..

— Думаютъ только объ одномъ, какъ бы его злпать поскорѣе...

И онъ даже сдѣлалъ здоровой рукой движеніе въ воздухѣ, наглядно изъясняя готовность и желаніе злпать его.

— Сперва идешь тихо,—говорилъ онъ задумчиво,—ноги разминаешь, а потомъ побѣжишь, побѣжишь... И такъ ты бѣжишь и, кажется, будто все стеклянное и ружье и ты самъ и нѣмцы, напримѣръ... Добѣжишь и ударишь... Дрынъ,— и все вдребезги...

Обѣдъ кончился, но солдаты не ушли. Новобранцевъ отпустили до вечера, а санитарный поѣздъ, гдѣ ѣхали раненые, долженъ былъ тронуться дальше только въ полночь. Тѣмъ и другимъ было въ сущности куда дѣваться и хотѣлось посидѣть подольше въ этихъ просторныхъ комнатахъ, привѣтливыхъ и теплыхъ.

Служанки убрали столы и принесли чайники съ завареннымъ чаемъ. Я сталъ переходить отъ одного къ другому, но все натыкался на неожиданности.

Спросилъ одного маленькаго, щуплаго, какъ сухая былинка:

— Вы чѣмъ занимаетесь?

А онъ взялъ и отвѣтилъ: «А я землеспасецъ!»

И при этомъ улыбнулся такою печальной, печальной улыбкой.

— Какой землеспасецъ?

— Землеспасецъ Рувимъ, Люблинской губернии, Замойскаго уѣзда. Маю себѣ одну коняку и моргъ огорода.

И голосъ его звучалъ безконечнымъ уныніемъ, словно этотъ моргъ огорода былъ наполненъ трупами, подобно парижскому моргу.

— А что у васъ тамъ?..

— Овощи...

По польски owoce означаетъ «плоды». Въ сущности оный Рувимъ Замойскаго уѣзда былъ не землеспасецъ, а садоводъ.

— Дѣдъ мой куповалъ,—объяснялъ Рувимъ,—а отецъ мой садилъ,—а теперь (теперь) извините, австрийцы все фрукты отобрали...

Рядомъ съ Рувимомъ сидѣлъ высокій солдатъ, молодой и сердитый, съ черной бородой, того самаго «опаснаго покроя», памятнаго намъ по бывшему процессу.

— Вы еврей?—спросилъ я съ минутнымъ сомнѣніемъ.

У него были крѣпкія челюсти и взглядъ непріятно тяжелый. И огромныя руки, какъ будто у боксера.

Онъ покачалъ головою.

— Значитъ, русскій?..

— Тоже нѣтъ!..

— Кто же, армянинъ?

Печальный Рувимъ землеспасецъ неожиданно прыснулъ:

— Ху, армянинъ... Вѣдь это нашъ Мотя, Die finstere Lewin (Темнолунный).

— Я жидъ,—сказалъ наконецъ Темнолунный. И слово это прозвучало утѣсисто и рѣзко, какъ ударъ кнута.—Я изъ-за Вислы, подъ Кутно. Тамъ нашего брата иначе не величаютъ.

По польски еврей называется zyd даже въ вѣжливой рѣчи. Но печальный Рувимъ этимъ ничуть не огорчился.

— Ай важность, жидъ,—сказалъ онъ, пожимая плечами.—Да ты вовсе не жидъ, ты литвакъ...

Передо мною была именно та разновидность еврейскаго народа, которая послужила предметомъ соблазна и злобы для столькихъ поляковъ. Былъ это къ тому же литвакъ раздражительный. Не даромъ ему дали прозвище Мотя Темнолунный.

— Да, жидъ,—заговорилъ онъ снова,—русскій жидъ, пся кровь.

— Знаете, миѣ говорятъ поляки: «слухай, жиде, не смѣй говорить по русску!..»

— А зачѣмъ тебѣ непремѣнно по русску говорить,—сказалъ примирительно Рувимъ,—важная вещь.

— А затѣмъ, что я русскій,—воскликнулъ сердито Мотя Темнолунный.—Я даже москвичъ. Мой тата уѣхагъ изъ Москвы...

— Хорошій москвичъ,—проворчалъ землеспасецъ Рувимъ.—Вотъ, напримѣръ господина Либермана, который ѣздилъ до Яффы за апельсинами, выслали теперь турки изъ Яффы и къ тому же побили. То онъ еще не сталъ турокъ.

— Пусть у нихъ руки отсохнутъ,—сердито сказалъ Темнолунный,—у турковъ твоихъ и у всякихъ погромщиковъ, но ужъ если выбирать, то лучше я буду русскій еврей, нежели польскій жидъ...

— Ты вродѣ летучая мышь,—отозвался Рувимъ,—гдѣ тебя просятъ ползать, а ты непремѣнно летаешь... Спросите у него, сумасшедшаго, зачѣмъ онъ пошелъ на войну...

— Затѣмъ же, что и вы, я думаю,—сказалъ я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.—Позвали его, такъ пошелъ.

— Нѣ, нѣ! Я провисной (запасной), а вѣдь онъ добровольный. Льготникъ такой, одинъ сынъ у отца. Пошелъ на войну... «Черту, говоритъ, защищать...»

— Какую черту?

— Черту осѣлости,—сказалъ Темнолунный съ тяжелой улыбкой.—Чтобъ было евреямъ гдѣ жить. А то, если разорять, такъ совсѣмъ негдѣ будетъ жить на землѣ. Такіе хасиды, какъ этотъ,—онъ мотнулъ головой на Рувима,—живые на небо пойдутъ. А я человекъ грѣшій...

(Перелчатка встречается).



На сѣверѣ Франціи. Нѣмцы въ своихъ траншеяхъ въ Аргонскомъ лѣсу.

Онъ былъ, рѣшительно, достоинъ любопытства. Тата держалъ ломовыхъ лошадей. Все-таки хлѣбъ.—
— Видите, кромѣ шутокъ,—сталъ онъ объяснять И вотъ эти нѣмцы пришли и сдѣлали погромъ. По-
довольно небрежнымъ тономъ. Жили мы подъ Кутно. думайте, нѣмцы,—и сдѣлали погромъ. Какъ вамъ.

(Перелчатка встречается).



На сѣверѣ Франціи. Мотоциклетистъ передаетъ приказъ летчику передъ развѣдкой.



РЖЬЯ, ОТОБРАННАЯ ОТЪ АВСТРІЙЦЕВЪ.

поправится?.. Образованные люди.. Хату спалили. Лошадей и повозки забрали. А тата и мама убѣжали.

— Куда убѣжали?

— Не знаю, куда,—отвѣчалъ онъ сурово.— Я въ Варшавѣ искалъ, не нашелъ. Далеко убѣжали...

Дѣйствительно, въ Варшавѣ и въ Вильнѣ и въ Минскѣ не рѣдкость такіа бѣжавшія семьи, разбитыя войной, которыя такъ таки не могутъ собраться воедино.

— Тутъ я подумалъ, куда еще идти,—продолжалъ доброволецъ.—Хлѣба нема, работы нема.. И задался до войска.

— Зачѣмъ, зачѣмъ?—качалъ головою Рувимъ.

— Затѣмъ, что они мой домъ сожгли,—отвѣтилъ Темнолуный сердито. Развѣ не сказано: око за око, зубъ за зубъ... И еще: домъ за домъ. Погромы, гогорять... Но отъ пѣмцевъ погромы терпѣть—последнее дѣло. Я лучше имъ тоже устрою погромъ.

Его особенно возмущало то обстоятельство, что именно пѣмцы устроили ему вѣдь Кутно погромъ.

— Я все-таки остался,—разсказывалъ онъ дальше,— думать, можетъ, что залатать. А они гогорять: «Это теперь наша земля. Такъ мы гасъ и до войска возьмемъ».—Ахъ, чтобъ вы подошли. Ежели до войска, такъ лучше до русскаго войска.—Пришелъ въ воинскую канцелярію. Они меня спрашиваютъ: «Въ какое ты войско хочешь?»—«А есть, гогорю, у васъ пожарная команда?»—«Какая на войнѣ пожарная команда?.. Молчи, дуракъ.»—«Ахъ, говорю, вы не понимаете. Не тоя пожарная команда, что тушить огонь, а тоя, что зажигаетъ...

— А развѣ есть такая команда,—невишно спросилъ землянаецъ.

— Должна быть. Сказано: око за око, домъ за домъ. Они у меня одинъ домъ сожгли, а я у нихъ четыре сожгу.

— Чувшь, Мотя,—сказалъ землянаецъ Рувимъ съ осторожной улыбкой—надо по правдѣ кнгатся. Поляка за поляка, а сврея за сврея. Кутно, Шмутно... Россійское Кутно, а пѣмецкое Шмутно. Вѣ Кутнѣ спалили 16 еврейскихъ домовъ, а ты ступай въ Германію и въ Шмутнѣ спали тоже 16 домовъ и тоже еврейскихъ. Тогда будетъ око за око...

Мотя Темнолуный поднялъ на него свои круглые злые глаза.

— Ты дуракъ,—сказалъ онъ угрюмо, по сдержанно.—Вѣ люди дерутся. Что лучше, чтобъ меня драли или чтобъ я драгъ?.. Вотъ я тебѣ сейчасъ покажу...

И онъ протянулъ огромную руку свою и поднесъ пріятелю такого тычка, что тотъ завертѣлся вмѣстѣ со стуломъ и отскѣлъ къ стѣнѣ.

Въ столовой послышался ронотъ. Дратья публично да еще въ праздникъ у евреевъ совсѣмъ не полагается.

— Это мой пѣмецъ,—сказалъ Темнолуный съ пехерошею улыбкой.—Такъ надо бить пѣмцевъ...

— Пѣмецъ, поидемъ!..

Онъ поднялъ на ноги притихшаго пріятеля, супулъ ему въ руки ружье и вышелъ изъ столовой на улицу, быть можетъ, отыскивать свою небывающую «пожарную команду»...

Танъ.



РУЖЬЯ СЪ ПОЛЯ СРАЖЕНІЯ.

ФАЛЬШИВЫЕ ИТОГИ.

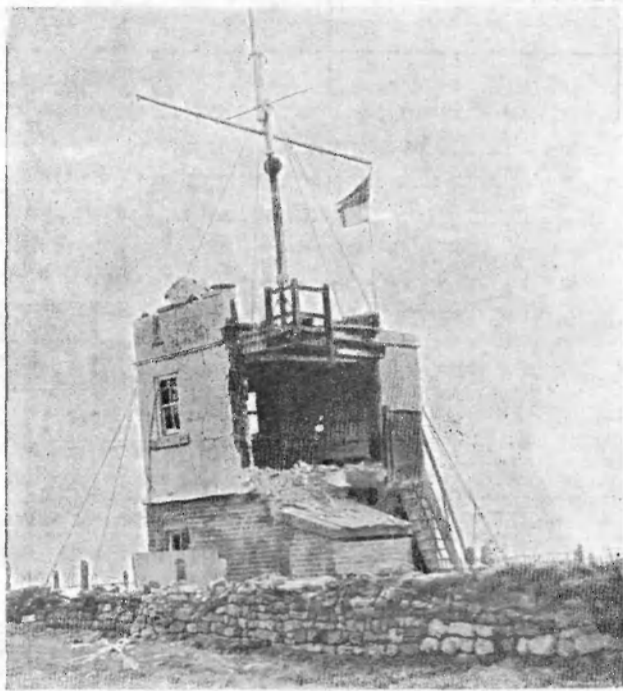
В наших толстых журналах уже начинают подсчитывать, что дали друг другу война и литература. Въ декабрьскомъ номерѣ «Северныхъ Записокъ» появилась статья Л. Гуревичъ—«Война и современная литература» (стр. 55—64); въ «Рус. Мысли»—статья Е. Колтоновской «Война и писатели» (декабрь, отд. II, стр. 133—139).

Статьйка г-жи Колтоновской сравнительно не обидна для русской литературы. Г-жа Колтоновская вяло передаетъ содержаніе пьесы Л. Андреева, цитируетъ корреспонденцію Пришвина изъ газеты «Рѣчь» и вяло хвалитъ рассказъ Ю. Слезкина, напечатанный въ той-же «Рѣчи»... Но въ этой вялости, въ этомъ необоснованномъ «выхватываніи пьменъ» отчасти сказывается дурное, обидное отношеніе критика къ современной русской литературѣ. Чувствуется, что г-жа Колтоновская не любитъ литературы, не придаетъ ей серьезнаго значенія и пишетъ о ней только затѣмъ, чтобы «отписаться».

Г-жа Л. Гуревичъ гораздо откровеннѣе, она вступаетъ «въ бой съ эстетикой» и снова, и снова старается уязвить, опорочить всю новѣйшую русскую литературу.—«Беллетристика», «красивые, но лишены настоящаго духовнаго содержанія, созданные поверхностною игрою чувствъ стихи», «дешевая роскошь и развратъ»,—вотъ чѣмъ представляется ей

почти вся современная литература.—«Русская и европейская «новѣйшая» литература, за самыми немногими исключеніями, ничего не могла дать для утоленія нашего тоскующаго духа,—и казалось даже въ началѣ, что она просто сгинетъ» («Сѣв. Зап.», стр. 61). Рядомъ съ такой характеристикой современной литературы г-жа Гуревичъ сообщаетъ, что «настоящій большой художникъ всегда есть орудіе духа, а не поденщикъ своего художественнаго ремесла» (стр. 58). Сообщая эту новость, г-жа Гуревичъ очевидно позабыла о чеховскомъ героѣ, который утверждалъ, что «лошадь ѣдятъ овесъ и сѣно» и что «Волга впадаетъ въ Каспійское море»... Высказавъ нѣсколько подобныхъ истинъ и наговоривъ много неприятныхъ словъ по адресу современныхъ писателей, г-жа Гуревичъ цитируетъ стихи г-жи Моравской, видя въ нихъ словно залогъ будущаго возрожденія «русской и европейской литературы»...

Г-жа Гуревичъ не всматривалась въ новѣйшую русскую литературу, и это ясно изъ того, что самый вопросъ о роли литературы въ современной войнѣ она ставитъ совершенно неправильно и легкомысленно. Къ происходящимъ событіямъ имѣетъ самое живое отношеніе не только та специальная «военная» литература, которая появилась въ послѣдніе 3—4 мѣсяца, но вообще вся русская литература послѣднихъ

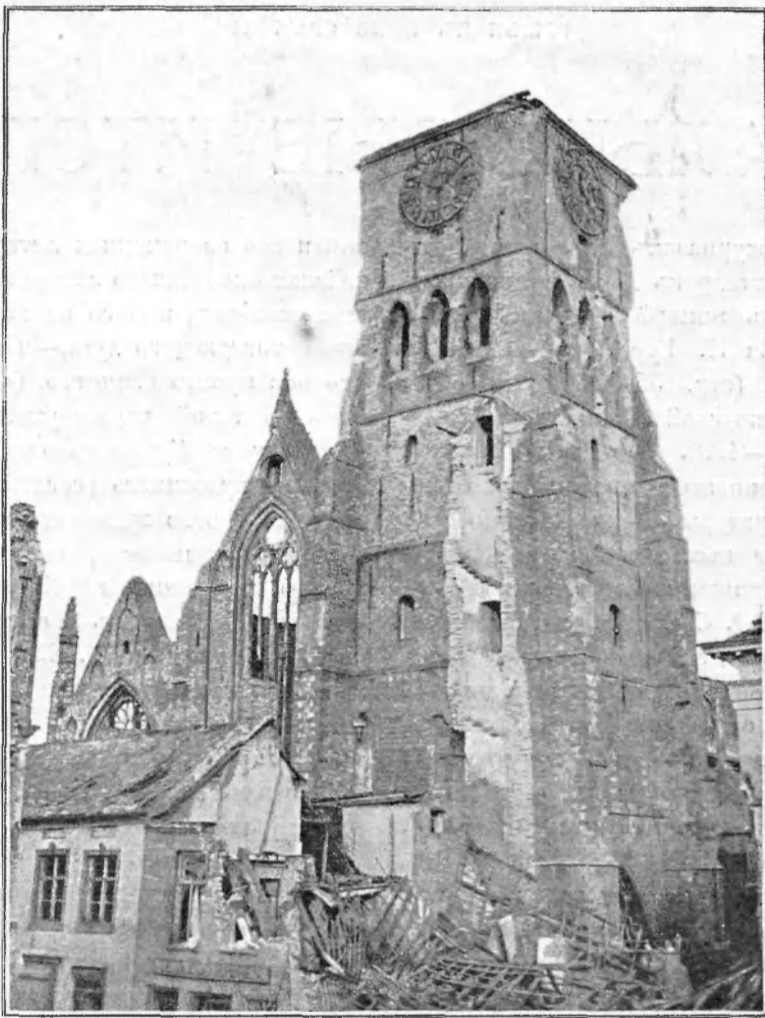


Станція безпроводнаго телеграфа въ Витби, разрушенная германскими снарядами.



Маякъ Скарборо, поврежденный германскимъ снарядомъ.

десятилѣтій. Какъ-бы ни относилась къ ней г-жа Гуревичъ, фактъ тотъ, что въ новѣйшей русской литературѣ всего дѣльнѣе и правильнѣе отразилась русская душа. Ни мертвыя цифры статистики, ни торопливая газетная хроника, ни личный ограниченный опытъ каждаго изъ насъ—не могутъ дать намъ того представленія о современномъ русскомъ чловѣкѣ, какое даютъ драмы и повѣсти Л. Андреева, творенія Ѳ. Сологуба, лирика и философскія исканія Вяч. Иванова, сказанія и легенды А. Ремизова; и нынѣшнюю войну съ нѣмцами ведутъ не только солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ, но и идеи русскихъ писателей, образы и мечты русскихъ художниковъ,



ЦЕРКОВЬ СВ. ІОАННА ВЪ ДИКСМЮНДЕ ПОСЛѢ БОМБАРДИРОВКИ ГОРОДА.

словомъ, — войну эту ведетъ не только народная и официальная Россія, но и вся великая Русь, въ ея историческомъ, нравственномъ и эстетическомъ цѣломъ. Поэтому, заговоривъ объ отношеніи современной литературы къ войнѣ, нельзя обойти молчаніемъ тѣ художественные образы и художественныя идеи, которыя волновали лучшихъ писателей въ послѣдніадесятилѣтія. А упомянувъ объ этомъ, нельзя, особенно теперь нельзя повторять по адресу писателей непродуманные упреки въ безнравственности и равнодушіи къ общенародной жизни. Нынѣшняя война должна-бы заставить русскихъ критиковъ пересмотрѣть свое отношеніе къ крупнѣй-

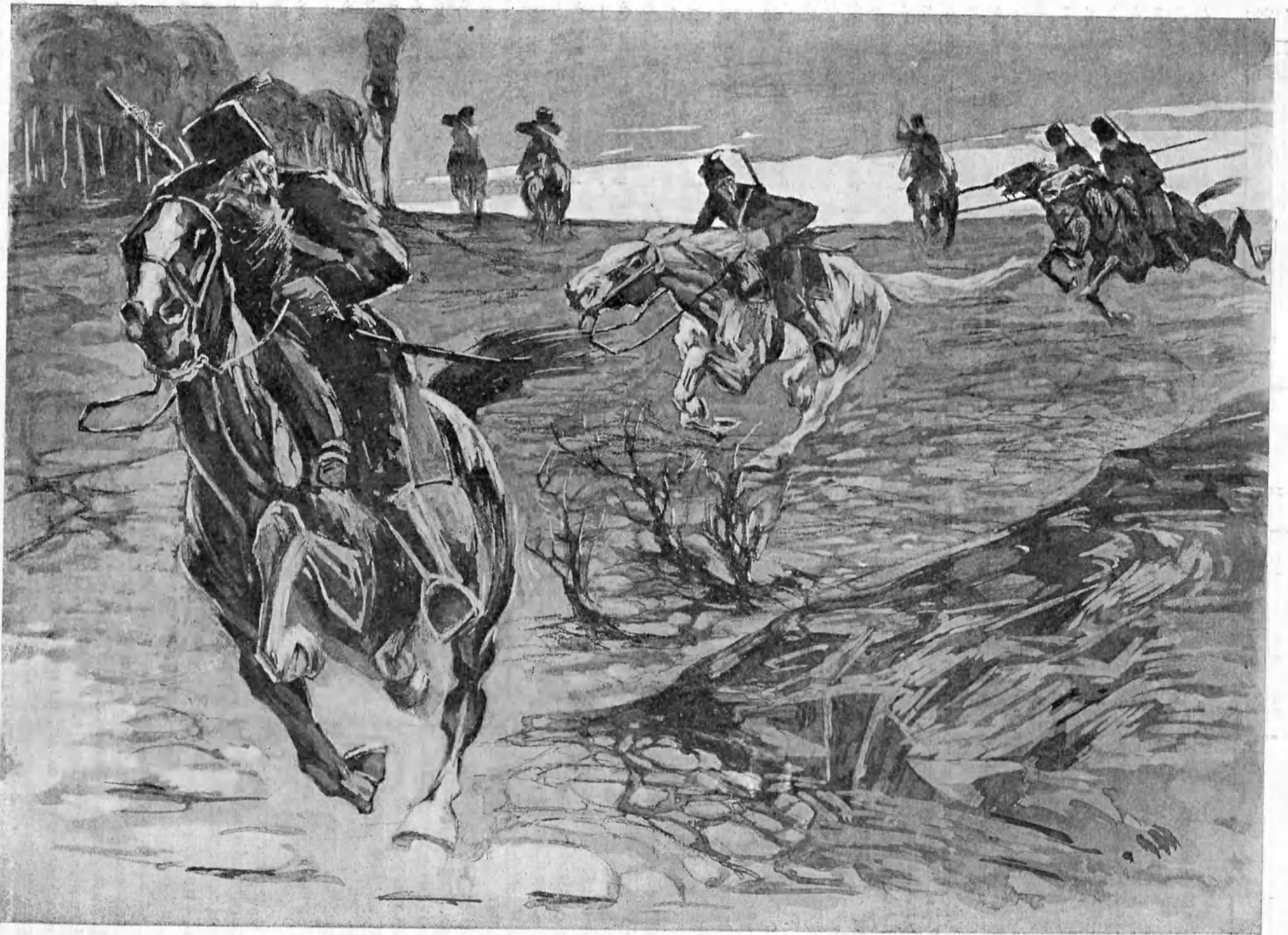


Рис. Г. З.

ПРЕСЛѢДОВАНИЕ ТУРЕЦКОЙ АРМІИ.

(Собств. журн. «Отечество»).

шимъ современнымъ писателямъ, потому что это отношеніе въ большинствѣ случаевъ было не только некультурно, но прямо постыдно. Когда, напр., подумаешь, что имя пессимиста дано критикой поэту, сказавшему:

«Я люблю мою темную землю,
И въ предчувствіи вѣчной разлуки
Не одну только радость приѣмлю,
Но, смиренно, и тяжкія муки»,

то за русскихъ критиковъ становится не обидно, а просто страшно! Русскіе критики совершенно просмотрѣли идею преображенія жизни, героическое утвержденіе творящей человеческой воли и выявленіе социальной красоты жертвенной смерти,—чему посвящены лучшія страницы въ твореніяхъ современныхъ писателей задолго до настоящаго момента. Героизмъ настоящей войны, глубокая стихійная вѣтра въ великое будущее родины, презрѣніе смерти—не что иное, какъ претвореніе въ жизнь предчувствій нашихъ лучшихъ писателей. Предчувствія эти звучали, какъ призывъ, но, критика—увы! его не услышала...

Намъ могутъ возразить, что теперь—не время заниматься «пересмотрами» и вообще «эстетикой». Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого мнѣнія. Мы все ведемъ войну, и все должны вести ее; война не только тамъ, гдѣ люди лежатъ въ окопахъ и стрѣляютъ изъ орудій, но война и здѣсь; войной заняты, войной потрясены не одни военные, но и весь народный организмъ, и потому каждый долженъ принимать активное участіе въ войнѣ, оставаясь въ сферѣ своей собственной ему дѣятельности. Вотъ почему

поэты, мыслители и критики не должны бросать теперь своихъ обычныхъ занятій; уходить писателю отъ своей дѣятельности сейчасъ постыдно, какъ постыдно уходить часовому со своего поста передъ лицомъ опасности. И ужасы войны, и счастье побѣды, и горе поражений должны мы встрѣчать во всеоружіи, т. е. мы должны быть не только физически-храбрыми, но и духовно-стойкими, и умственно-ясными; мы должны заботиться не только о томъ, чтобы были отточены

(Перепечатка воспрещается).



На сѣверѣ Франціи. Англискій часовой въ дождливую погоду.

наши штыки, но и о томъ, чтобы души наши не утратили способности творчески относиться къ совершающемуся. Между тѣмъ, г-жа Гуревичъ въ своей статьѣ пытается воскресить старый и вредный споръ между «эстетикой» и «этикой», между общественностью и индивидуализмомъ». Пора бы, кажется, понять нашимъ критикамъ, что эстетика и этика—не враги, что утверждать нравственное въ ущербъ прекрасному и прекрасное въ ущербъ нравственному—одинаково пагубно для общества, что все наши стремленія должны сводиться къ тому, чтобы гармонически развивать чувство прекраснаго и нравственные чувства. Если-бы г-жа Гуревичъ припнулась этою простою мыслью, то, загово-

ривъ о современной литературѣ,—она не стала-бы повторять голословныхъ обвиненій въ индивидуализмѣ и эгоизмѣ, не стала-бы упрекать русскихъ писателей за яко-бы безразличное и холодное отношеніе къ общественной и къ обще-народной жизни. «Мелкій бѣсъ» Сологуба, драмы Леонида Андреева «Проклятый Родъ» Рукавишникова, «Серебряный Голубь» и «Петербургъ» Андрея Бѣлаго достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что русская литература—послѣ Толстого и Чехова—

(Перепечатка воспрещается).



А В С Т Р И Й Ц Ы.

занималась не только «обшариваніемъ тупиковъ и закоулковъ личной психологіи». Не бесполезно было бы также г-жи Гуревичъ вспомнить, что Японская война 1904 г. и послѣдующія событія нашли живѣйшій откликъ у русскихъ поэтовъ. Можно ли позабыть отдѣлъ «Современность» въ книгѣ В. Брюсова «Вѣнокъ»? Тѣмъ болѣе, можно ли забыть книгу Э. Сологуба «Родниѣ», въ которой Сологубъ совершилъ настоящее чудо, примиривъ Некрасова съ Пушкинымъ, сливъ въ одно прекрасное иѣлое восторженную любовь Пушкина съ любовью-жалостью Некрасова.

Что же касается литературы современной, въ узкомъ значеніи этого слова, т. е. литературныхъ произведеній, сы вънныхъ непосредственно войною, то—мнѣ кажется, тутъ еще слишкомъ рано дѣлать выводы и подводить итоги.

Чтобы изобразить все величіе нынѣшней войны, нуженъ геній Гомера; чтобы изобразить весь ужасъ этой войны нуженъ геній Данта... Мы вѣримъ въ то, что европейская и русская культура не погибнутъ, и что новые великіе поэты въ Европѣ и у насъ въ Россіи появятся. Но чтобы не погибла культура, намъ всеѣмъ надо—прежде всего—любить уже созданныя культурныя цѣнности.

Г-жи Гуревичъ и Колтоновская въ своихъ статьяхъ подошли къ литературѣ безъ любви; поэтому произведенія незначительныя заполонили все ихъ вниманіе, и почтенные критики, сами того не замѣчая, очу-

тились въ станѣ враговъ русской культуры, а ихъ поспѣшно-подведенные итоги оказались итогами фальшивыми.

Александръ Тиняковъ.



Австрийцы въ русскомъ глѣну. Письмо на родину.

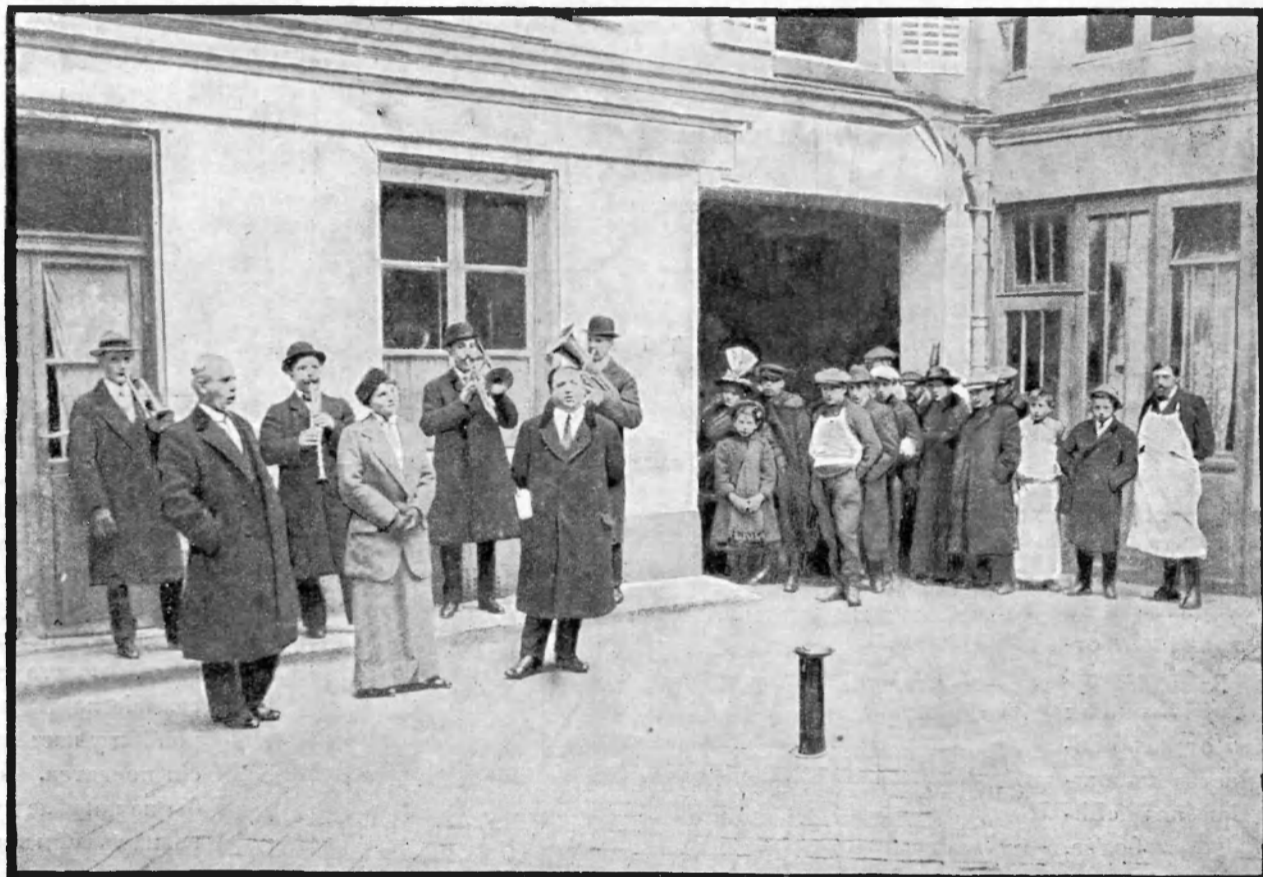
ПИСЬМА О ТЕАТРЕ.

ТЕАТРЪ И ВОЙНА.

ПЕ достигла еще война своего предельного напряжения и не поверженъ еще въ конецъ упорный врагъ, а театральные наши судьи, съ торопливостью почти нѣмецкою, уже порѣшили, что русскій театръ оказался неподготовленъ къ современнымъ событіямъ. Можно подумать, что театръ—часть арміи и одновременно съ послѣднею долженъ ринуться въ дѣло, къ

щуютъ его и на избитые мотивы заводятъ свою подтливую шарманку—театръ? Но не смѣшно ли удивляться тому, что толку при этомъ получается весьма мало, неудачнаго же такъ много, что только еще сильнѣе крѣпнеть убѣжденіе въ непригодности непосредственнаго вторженія военно-боевыхъ мотивовъ въ искусство?

(Перепечатка воспрещается).



Артисты парижскихъ кафешантановъ, оставшіеся вслѣдствіе войны безъ работы, зарабатываютъ хлѣбъ пѣніемъ на улицахъ и въ дворахъ.

которому мирные годы были лишь служебными, «черновыми» репетиціями.

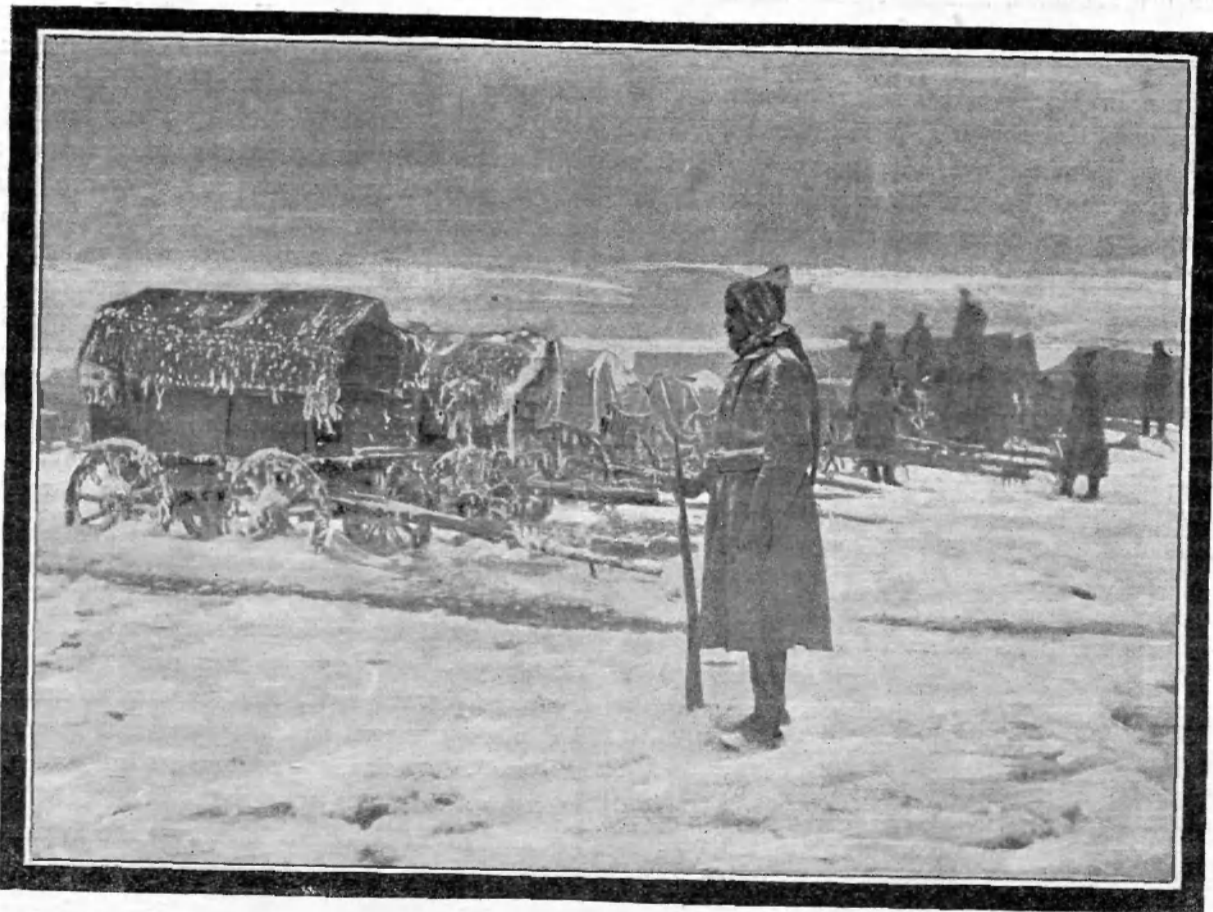
Повторяется старая исторія. Сколько ни твердятъ въ спокойное время, что искусство живетъ своею особою жизнью, отражающею внѣшнія событія въ свой урочный часъ; какъ ни впитываютъ въ себя, что «inter arma silent artes»,—грянетъ гроза и вогъ уже хочется, чтобы вездѣ—и въ искусствѣ—сверкали ея молніи. Если такимъ желаніемъ обуреваемы даже критики, у которыхъ, какъ извѣстно, кровь холодная, можно ли удивляться, что болѣе ихъ горячіе драматурги, еще болѣе экспансивные актеры, а особенно кипучіе антрепренеры, не колеблясь, вопло-

то въ торжественныхъ апофеозахъ и фееріяхъ выскакиваютъ картошныя фигуры «героевъ» съ батальныхъ олеографій, казаки, которымъ «любо сбивать съ пруссаковъ кивера»; то, напротивъ, подъ знакомъ толстовской «каратаевщины» робко жмутся такіе скромники, такіе простяки, что подвиги ихъ приходится выносить за кулисы, и поэтъ наивно спрашиваетъ: «герои—это и есть?»; наконецъ, бываетъ и такъ, что ради большой жалости соотечественники превращаются въ безпомощныхъ, робкихъ овечекъ, надъ которыми измываются дерзкіе и безчеловѣчные варвары—враги, и т. д., и т. д.,—все это фальшивое и придуманное видѣли мы въ раз-

(Перепечатка воспрещается).



Пораженіе австрійцевъ въ Сербіи. Артиллерія броненная австрійцами при бѣгствѣ.



ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ ВЪ СЕРБИИ. ОБОЗЪ. *(Перепечатка воспрещается).*

личныхъ комбинаціяхъ на сценѣ и въ литературѣ. Слѣдующее отображеніе такихъ огромныхъ явленій, какъ нынѣшняя война, не можетъ не быть непременно приблизительнымъ, если не ложнымъ, ибо оно поневолѣ виѣшне; но поэтому ему всегда предпочтешь простую фотографію, газетную телеграмму: онѣ показываютъ только то, что и какъ было, и не пытаются «произвести впечатлѣніе», «воздѣйствовать на чувства». Но не къ этому ли и стремится искусство, плохое лишь менѣе разборчивыми средствами, чѣмъ хорошее? И если въ настоящее время нѣтъ ничего легче, какъ вызвать истерику, то не слѣдуетъ ли къ указаннымъ средствамъ примѣнить особенную строгость?

Вѣрное вообще, все это приобретаетъ у насъ тѣмъ большую остроту, что небывалая по размаху событія, свидѣтелями или участниками которыхъ мы являемся, пали на русскую душу, не только къ нимъ не готовившуюся, но еще и совершенно растревоженную и спутанную предшествующими годами. Все нынѣшнее единодушіе, огромный общій порывъ не могутъ скрыть тѣхъ противорѣчій и неясностей, которыми полна душа и которыя хотя и не высказываются, но живутъ, временами просачиваясь въ самое безсмысленное, всѣми осознанное и должное. Мы едва ли ошибемся, если этой спутанностью объяснимъ ту стѣпенность, напр., которая бываетъ на спектакляхъ наивной и прямой пьески Писемскаго «Ветеранъ и повобранецъ», хотя она говоритъ и не о теперешней войнѣ: согласные съ отцомъ, отправляющимъ на войну третьяго сына послѣ двухъ убитыхъ, мы еще не успѣли такъ выковать себя, чтобы не раздѣлять горя матери, не сочувствовать ея слезамъ и не жалѣть ея...

Но вотъ, какъ бы ни осуждать не столько вліяніе войны на театрѣ, сколько симуляцію этого вліянія театромъ, послѣдняя въ подчиненіи себя ей,—нельзя не признать, что взаимодействие между ними существуетъ даже тогда, когда о немъ и не помышляютъ. Правда, оно выражается еще не на сценѣ, а въ зрительномъ залѣ, но отъ этого оно не менѣе сильно; оно идетъ черезъ публику, черезъ ея взволнованную войною душу, и какъ таковое, частью благотворно, частью же душно.

Теперь уже никто не пойдетъ въ театрѣ «внимательно спать», какъ это недавно еще манифестировалось; едва ли также будетъ допущено славословіе разрушеніямъ старинныхъ памятниковъ искусства, о чемъ мы вчера только слышали, а нынче видимъ воочию; не трогаютъ уже больше слезы и вздохи захудалыхъ провинціальныхъ «сестеръ» и «дядей»; и только тоску и сознание ненужности рождаетъ «апо-

теозъ быта» даже въ такомъ театрѣ, какъ Московскій Художественный («Смерть Пазухина»).

Если бы указанное взаимодействие ограничивалось только такими отрицательными проявленіями, мы и его не могли бы приветствовать, а любители чеховской драматургіи, напримѣръ, и вовсе его осудили бы. Но мы думаемъ, что, закрывая наше сознаніе доступу извѣстныхъ цѣнностей искусства, война, какъ военный техническій факторъ, производящій въ насъ коренные перевороты, глубокія опустошенія и могучія созиданія, растеоряетъ его для другихъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, неоспоримыхъ и высокихъ, въ иное время, однако, оставшихся бы подъ спудомъ. Чутье и деликатность, вообще необходимыя теперь, въ наклонные къ нарочитой искренности дни, могутъ подсказать, какія поистинѣ прекрасныя произведенія оказались бы нынѣ не только пріятными, но просто цѣлительными для потрясенной души. Ибо мы смѣло утверждаемъ, что театру больше, чѣмъ какому либо другому искусству, и именно русскому театру, техническій переворотъ, производимый войной, можетъ пойти на пользу и процвѣтаніе, такъ какъ во многомъ родны—театрѣ и война, и много вносятъ послѣдняя чертъ, необходимыхъ для подлиннаго драматическаго (въ отличіе отъ лирическаго, эпическаго и т. п.) искусства. Преодоленіе встающихъ одно за другимъ препятствій въ противоположность обычной уступчивости; стремленіе къ достиженію ясныхъ результатовъ, вмѣсто безысходной нагроможденности; необходимость производства рѣшительнаго выбора, требующаго ободренія, сознанія и установленія болѣе опредѣленныхъ оцѣнокъ на мѣсто прежняго вялаго безразличія—«съ одной стороны, съ другой стороны»,—и скептицизма; общая энергичность, стремительность не въ примѣръ статичности мирной жизни; наконецъ, чувствованіе героизма и смерти, чувствованіе торжества черезъ смерть—все это есть въ войнѣ, и все это можетъ долгимъ процессомъ, черезъ многіе годы усвоить отъ нея театрѣ и стать черезъ то динамичнымъ и драматичнымъ, какъ ему и подобасть быть. Скажемъ больше: грядущая побѣда, которая заставитъ всѣхъ съ непосредственной убѣдительною почувствовать, что смерть героя—не копейка, а лишь необходимый залогъ торжества,—эта побѣда откроетъ намъ путь къ трагедіи, давъ ключъ къ утерянному пониманію катарсиса. Ибо если и не всегда побѣда на войнѣ служитъ началомъ расцвѣта драматургіи, то все же лишь народъ-побѣдитель въ силахъ создать свою національную трагедію.

А надо ли говорить, почему именно намъ нужна побѣда и какъ нашему театру нужна трагедія!..

Е. Зюско-Боровскій.

Военный корреспондентъ.

(РАЗСКАЗЪ).

1.

ЕСТЬ такія вещи, которыми нельзя шутить; и нельзя не только потому, что вещи эти—высокаго, почти священнаго порядка, но и потому еще, что Высшая Справедливость откладываетъ гдѣ-то каждый поступокъ людской, и если онъ не соответствуетъ ея представленію опростой человѣческой порядочности, Она—мститъ: не за Себя, а за вещь, къ которой человѣкъ не сумѣлъ отнестись съ должнымъ уваженіемъ.

А такъ какъ у большинства близорукихъ людей понятіе о Высшей Справедливости обыкновенно отсутствуетъ, то имъ и кажется часто, что «мститъ» сама «вещь».

И это хорошо! Иначе съ такими людьми, какъ Бродиловъ и сладу бы не было.

Бродиловъ былъ сѣрый корявенькій человѣчишко, интересный лишь тѣмъ, что сумѣлъ заинтересовать своей невзрачной особой такую красивую и милую дѣвушку, какъ Вѣра Сергѣевна.

Заинтересовалась она имъ независимо зачѣмъ, вѣришь всего въ силу самостоятельности характера и во имя отстаиванія собственной «точки зрѣнія», хотя, на мой взглядъ, и для «характера» и для «точки зрѣнія» легко было выбрать объектъ куда болѣе приличный, чѣмъ этотъ Бродиловъ.

И онъ совѣтовалъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ остановиться на мнѣ.

Но она только презрительно повела глазами:

— Вы ничего не понимаете. Что вы такое?

— А Бродиловъ вамъ что?

— Бродиловъ — иное совѣтъ. Я много читала. Такіе, какъ онъ способны на высшія проявленія души. Въ Бродиловѣ заложены самыя неожиданныя возможности, которыя вытекаютъ изъ несоответствія между скромною внѣшностью и богатствомъ духовной природы.

— Ну, ладно! Заложены, такъ и заложены!

Я тоже повелъ глазами, не хуже Вѣры Сергѣевны, и ушелъ изъ ея кругозора.

2.

Когда объявили войну, я ушелъ на позиціи и черезъ недѣлю вернулся съ прострѣленнымъ бокомъ.

Бродилова, . . . человѣка, въ которомъ заложены

самыя неожиданныя возможности, вытекающія изъ несоответствія между его скромной внѣшностью и богатствомъ духовной природы, — на войну не забрали и онъ продолжалъ вести прежнюю жизнь, ежедневно встрѣчаясь съ Вѣрой Сергѣевной.

То, что я былъ на войнѣ и выполнилъ свято свой долгъ, преисполнило все существо мое спокойной, увѣренной гордостью и примирило до пѣкоторой степени съ погорей расположенія ко мнѣ этой загадочной дѣвушки.

Но на Бродилова я не могъ смотрѣть безъ чувства гадливости и во всемъ его поведеніи чудилась мнѣ какая-то скверная тайна.

— Что вамъ Бродиловъ? — спросилъ я однажды Вѣру Сергѣевну, пришедшую меня навѣстить.

— Ахъ, слава Богу, здоровъ, хотя ему бѣдному трудно.

— Что-жъ ему трудно?

— Да какъ же! Все въ сердцемъ хотѣлъ на войну, п— не взяли.

— Обрадовался небойсь?

— Что вы! Какъ вамъ не стыдно. Бѣдъ въ немъ, подъ такой заурядной наружностью...

— Ну, побѣхала!

Я махнулъ рукою и отвернулся къ стѣнѣ.

3.

Черезъ мѣсяцъ я вышелъ изъ лазарета.

Рапа болѣла еще, но здоровье вернулось, а вмѣстѣ вернулась и жажда радостей жизни.

Первое, что встрѣтилось на новомъ моемъ пути— была Вѣра Сергѣевна.

Она похудѣла. Стала изящной и блѣдной, и въ открытыхъ глазахъ ея бродили теперь смутныя, пугливыя тѣни.

У меня больно сжалось сердце и захотѣлось быть ласковымъ, добрымъ.

— Навѣрное братъ или отецъ ушелъ на войну, вотъ и привяла немножко — подумалъ я, беря ее подъ руку.

— Читали? — спросила она, даже не поздоровавшись.

— Читалъ, — говорю. — Въ лазаретѣ лежалъ, дѣлать нечего, такъ я и читалъ.

— Да я не про то! Вотъ это читали?

Она протянула мнѣ газетный листокъ.

— Да! Занятно!



Вѣдь онъ теперь въ самомъ огнѣ!

— Что здѣсь занятого? — вспыхнула Вѣра Сергѣевна.

— А то, что пишутъ теперь о войнѣ всѣ, кому вздумается.

— То-есть какъ это всѣ?

— Да вотъ такъ!

Я показала ей перстомъ на то мѣсто, съ которымъ она предложила мнѣ ознакомиться, и процитировала вслухъ:

«Къ концу дня нашъ разѣздъ выбилъ таки неприятеля изъ занимаемаго имъ мѣстечка. Паника была страшная. Цѣлая дивизія бѣжала по главной улицѣ»...

Тутъ я остановилась и поглядѣла ей въ глаза.

— Страшно! — сказала она, передернувъ плечами.

— Ничуть! — отвѣтила ей я.

— Почему? По-че-му?

— А потому, что «цѣлая дивизія» не можетъ бѣжать въ паникѣ «по главной улицѣ небольшого мѣстечка».

— Что вы этимъ хотите сказать?

— То, что редакторы нѣкоторыхъ уличныхъ листовъ не слѣдятъ за умственнымъ вырожденіемъ своихъ сотрудниковъ.

Она затряслась и быстро ушла.

— Ничего не пойму! — рѣшила я и тотчасъ же купила у мальчишки тотъ самый листокъ, въ которомъ бѣжала дивизія.

Подъ этой замѣткой стояло «Бродиловъ».

Вотъ тебѣ и разъ! Стало быть Бродиловъ уѣхалъ корреспондентомъ!

Теперь все понятно.

Вечеромъ я рѣшила исправить ошибку и позвонилъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ.

— Извиняюсь! — сказалъ я ей, — я право не зналъ, что Бродиловъ...

— Уѣхалъ! Уѣ - халъ! Ахъ мнѣ это такъ пріятно, что вы извиняетесь. Вѣдь онъ теперь въ самомъ огнѣ! — Невыразимой тоской прозвенѣлъ голосокъ и болью отозвался у меня въ сердцѣ.

Я все-таки поборолъ себя и вмѣстѣ съ Вѣрой Сергѣевной погоревалъ объ опасностяхъ, какимъ подвергался теперь корреспондентъ Бродиловъ.

4.

На слѣдующій день я снова купилъ тотъ же самый листокъ.

Теперь тамъ рассказывалось, какъ на глазахъ у

Бродилова одного изъ солдатъ «хлопнуло шрапнелью по спинѣ».

«Солдатъ только крикнулъ» — сообщалось въ корреспонденціи Бродилова, «и бодро пошелъ на перевязку».

— Здорово! — подумалъ я. — Какіе теперь пошли солдаты!

И довольный навѣянными замѣткой воспоминаніями, пошелъ ходить по городу.

На углу Звенигородской и Загороднаго я увидѣлъ субъекта.

Былъ онъ плюгавъ и измызганъ. «Заурядная виѣшность» была, какъ двѣ капли воды похожа на виѣшность Бродилова, — даже ноги вихлялись и путались.

И, если бы не ныѣшняя замѣтка, которую я только что прочиталъ, я готовъ былъ бы биться объ закладъ, что ноги эти и виѣшность принадлежатъ не кому иному, а именно Бродилову.

— Чудеса да и только! Двойникъ? Астральное тѣло? А, можетъ быть плодъ разстроеннаго воображенія. Чего добраго, еще заболѣю я этимъ Бродиловымъ!

5.

Въ сочельникъ подѣ Рождество я опять прочиталъ въ листкѣ корреспонденціи «собственнаго корреспондента», командированнаго листкомъ на войну.

Говорилось о смерти кронъ-принца, какъ о фактѣ, провѣренномъ лично корреспондентомъ.

Это было одиннадцатое по счету убійство кронъ-принца, свѣдѣнія о которомъ получены изъ самаго авторитетнаго источника.

Я подивился военной освѣдомленности Бродилова и побрелъ дальше.

На углу Звенигородской и Загороднаго снова попался мнѣ тотъ самый корявый субъектъ, который одинъ разъ уже заставлялъ меня усумниться въ прочности моего мозгового аппарата.

Чтобы избавить себя отъ пелѣныхъ сомнѣній, я пошелъ вслѣдъ за нимъ до самой его квартиры и когда онъ вошелъ, позвонилъ.

Открыла мнѣ горничная.

— Бродиловъ пришелъ? — спросилъ я сурово.

— Да они... То есть нѣтъ... Приказали... Нѣту ихъ. Уѣхавши на театръ воинскихъ дѣйствій. Приказали не принимать никого.



Я только успѣлъ крикнуть: «Братцы за мной», тутъ меня и эвакуировали.

Я отстранилъ ее тихонько плечомъ и вошелъ. Не могъ же я не войти, когда этого требовало выясненіе истины.

6.

Бродиловъ лежалъ на постели.
Онъ глухо стоналъ и тянулъ на себя одѣяло.
Я сѣлъ рядомъ съ нимъ и спросилъ.
— Ну, что?
— Нехорошо!—отозвался Бродиловъ,—холодно въ окопахъ, чемоданы тамъ всякіе, или еще ихъ называютъ «подарками»! Опять же гонимы паршивые спать не даютъ. Какъ только заснешь, такъ и прутъ. Кричатъ гоухъ! Ну да мы, тоже, не промахъ! Стоишь подъ огнемъ и пишешь корреспонденцію. На барабанѣ писалъ. Какъ Наполеонъ! А у насъ одинъ ротный былъ, такъ тотъ такъ и жилъ на барабанѣ. И спалъ на немъ. Свернется калачикомъ и спитъ. Я еще не умѣю спать. Но навѣрное выучусь.

Я слушалъ его безтолковую болтовню и во мнѣ прыгали веселія, занятныя мысли.

— Значитъ ты раненъ?—спросилъ я его.

— Раненъ, товарищъ! Стою это, пишу... Вдругъ к-э-экъ ахнетъ шрапнелью! Да въ ногу! Да въ другую. Я только и успѣлъ крикнуть: «братцы, за мной», тутъ меня и эвакуировали.

Я наклонился и поцѣловалъ его:

— Спасибо, родной! Я никогда не сомнѣвался, что ты окажешься славнымъ героемъ, но то, о чемъ ты повѣдалъ,—превыше похвалъ. Что же у тебя ноги въ повязкахъ?

— То есть да... Но и нѣтъ... Онѣ конечно въ повязкахъ... Были въ повязкахъ, но я ихъ сорвалъ. Когда узналъ, что ротнаго нашего уже не стало, того самого, что спалъ на барабанѣ, такъ я и рѣшилъ: Не хочу, говорю, жить! Пусть и я заплачу своей жизнью. Взялъ да и посрывалъ всѣ повязки.

— Такъ и пріѣхалъ?

— Да, эвакуировали! Спасибо имъ. Папиросы выносили, бублики всякіе, а отъ цвѣтовъ даже отбоя не было.

Я всталъ, подошелъ къ телефону и позвонилъ.

— Станція? 784—91. Это вы, Вѣра Сергѣевна? Пріѣзжайте немедленно на квартиру Бродилова. Онъ васъ ждетъ.

Бродиловъ застоналъ на постели и сухо скрипнулъ зубами.

— Ага!—подумалъ я,—пробрало!

7.

Явилась Вѣра Сергѣевна.

Явилась растерянная — смущенная и радостная.

Увидѣвъ Бродилова, лежащимъ въ постели, она поблѣднѣла и прислонилась къ стѣнѣ.

— Онъ раненъ?—спросила она.

— Да, раненъ!—сказалъ я трагически.

— Серьезно?

— Да! Очень серьезно—крикнулъ Бродиловъ изъ подъ одѣяла.

Вѣра Сергѣевна подошла къ постели и тихо склонилась на колѣни передъ подушкой героя.

Не знаю, что дѣлалось въ ея душѣ?

Можетъ быть она ночами мечтала объ этой минутѣ, когда ея милый Бродиловъ вернется увѣнчанный лаврами и докажетъ имъ всѣмъ, чего онъ достоинъ, какая высокая, самоотверженная душа скрывалась подъ незадачливой внѣшностью.

А можетъ быть она страдала теперь,—глубоко, безысходно—чистой своей душой, оплакивая тяжкія страданія своего возлюбленнаго героя.

Я не мѣшалъ ей стоять на колѣняхъ у изголовья Бродилова и ждалъ, что получится.

— Ты раненъ?—дошло до меня, словно вздохъ весенняго вѣтра.

— Да! Раненъ! Я чрезвычайно раненъ. Стою это, знаешь, на барабанѣ. И вдругъ кэ-э-эхъ шандарахнетъ шрапнелью, и—въ ноги! Призвалъ я тутъ твое имя, да какъ крикну «ребята за мной!»

Вѣра Сергѣевна слушала и слезы катились по исхудавшимъ щекамъ.

— Дай я перевяжу твои раны! Ты не думай! Я тоже достойна тебя и какъ только ты ушелъ на войну, я тотчасъ же прослушала курсъ. Гдѣ бинты? Ты очень страдаешь? Есть бинты?

— Былъ! Индивидуальный! Но я его сорвалъ!

— Боже мой!—всплеснула руками Вѣра Сергѣевна.—Помогите мнѣ! Онъ истекаетъ кровью.

Тутъ я рѣшилъ, что не время раздумывать, и опрометью бросился къ телефону.

— Станція? Да? Барышня дайте скорѣе № 110-80.



Стоишь подъ огнемъ и пишешь корреспонденцію.

Готово? Это вы доктор? Слушайте! Нужна хирургическая помощь немедленно. Больной сорвал повязки. Возможна гангрена! Захватите ножи и инструменты и немедленно выйдите по адресу... Что? Хлороформ? Не нужно! Онъ крѣпкій и вынесетъ. Что? Въ какой области? Такъ! Пустяки! Всего двѣ ноги! До колѣна!

Я бросилъ трубку и поглядѣлъ на Вѣру Сергѣевну.

Она была близка къ потерѣ сознания, но, видимо, крѣпилась, стараясь быть достойной своего положенія.

8.

Пріѣхалъ докторъ.

Сѣдой, растрепанный. Съ молодымъ ассистентомъ.

— Только что начали зажигать дѣтямъ елку вдругъ слышу—звонокъ!—объяспялъ онъ, раскладывая свои принадлежности.

Потомъ развернулъ футляры и множество ножей сверкнуло въ глаза остро и холодно.

Зашипѣла спиртовка, зазвякало что-то въ стеклянной лампочкѣ, и доктора принались мыть руки.

— Кладите больного на столъ!—приказалъ сѣдой докторъ.

— Я самъ!—хотѣлъ было вымолвить Бродиловъ, но ему не дали.

— Ишь прыткій какой!—подумалъ старикъ и вынулъ скальпель.

— Сестра! Помогайте!—сказалъ онъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ, взглянувъ на косынку и крестъ.—Снимайте костюмъ!

Я бережно взялъ Бродилова руками подъ спину и положилъ его на столъ.

Онъ былъ блѣденъ, и челюсти его двигались изъ стороны въ сторону.

— Гдѣ это васъ?

— На барабанѣ! Стою это я...—Бродиловъ моргнулъ глазами и вдругъ разрыдался.

— Ничего! Мы вамъ быстро оттяпаемъ!—успокоилъ его ассистентъ.

Но больной неожиданно взмахнулъ руками, вскочилъ со стола и бросился въ дверь.

Вѣра Сергѣевна хлопнулась въ обморокъ. А доктора поглядѣли на меня и застыли въ нѣмомъ изумленіи.

Я вынулъ свой кошелекъ и галантно раскланялся.

— Глубоко извиняюсь предъ вами. Этотъ негодяй Бродиловъ дурачилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ эту бѣдную дѣвушку, которую вы видите лежащей безъ чувствъ на полу. Наглость его дошла въ этомъ направленіи до того, что онъ симулировалъ отъѣздъ на войну въ качествѣ военнаго корреспондента, а когда я его накрылъ, онъ притворился «эвакуированнымъ» по случаю серьезныхъ пораненій конечностей и держалъ въ этомъ заблужденіи всѣхъ до послѣдней минуты. Когда же вашъ ножъ готовъ былъ начать свое дѣло...

Доктора разсмѣялись отъ чистой души и отстранили десницу мою, въ которой былъ уготованъ положенный гонораръ.

— Ни за что!—воскликнули они въ одинъ голосъ,—болѣе веселой минуты мы въ жизни своей не испытывали.

— Вотъ такъ святочный маскарадъ! Ой-о-йой! Уморили на старости лѣтъ.

— Дайте барышнѣ спирту!

— Не надо! очнулась Вѣра Сергѣевна и встала.

Щеки ея пылали, въ глазахъ горѣли огни. Никогда она не была такой прекрасной.

— Желаете объясненій?—спросилъ я ее, когда мы остались одни.

— Не нужно! Я слышала все! Проводите меня! Вы этимъ окажете мнѣ большую услугу.

Я взялъ ее объ руку и, видя себя отъ восторга, вывелъ изъ комнаты Бродилова.

На верхней площадкѣ я наклонился и поднялъ какой-то листокъ, исписанный нервнымъ, размашистымъ почеркомъ.

— «Стою на барабанѣ подъ градомъ чемодановъ и пишу...» Начиналась послѣдняя корреспонденція съ театра войны, оброненная на лѣстницѣ Бродиловымъ.

Я показалъ ее Вѣрѣ Сергѣевнѣ и спросилъ:

— Страшно?

Она улыбнулась, и въ этой улыбкѣ я прочелъ разрѣшеніе оставаться простой ординарной натурой съ прострѣленнымъ бокомъ, не обѣщая никакихъ возможностей, проистекающихъ изъ и т. д.

— Вотъ какъ мстять «вещи», съ которыми грѣшно и стыдно шутить!

Владиміръ Воиновъ.



ОТЪЛКИ ВОИНЫ.

Социальный Музей в Парижѣ о войнѣ и жизни в будущіе дни.

Въ социальномъ музеѣ в Парижѣ началась серия докладовъ о войнѣ и жизни в будущіе дни. Предсѣдатель Музея, Леопольдъ Буржуа, открывая секцію, рисовалъ картину жизни будущіхъ дней. Онъ сказалъ: Мы присутствуемъ не при кровавомъ закатѣ, а при зарѣ будущаго. Докладчикъ Эмиль Бутру, указавъ на рядъ цѣнныхъ привычекъ, которыя создала война. Трезвость, выносливость, взаимное содѣйствіе. Необходимо сохранить эти добрыя качества. В дальнѣйшихъ докладахъ согласились принять участіе Вивіани и Рибо.

Лордъ Китченеръ о продолжительности войны.

АМЕРИКАНСКАЯ газета «Evening Post» напечатала интервью съ лордомъ Китченеромъ. По мнѣнію военнаго министра Англии война будетъ продолжаться не менѣе трехъ лѣтъ и окончится только тогда, когда отъ военнаго могущества Германии останется одно лишь воспоминаніе... «Чѣмъ раньше Германия положитъ оружіе», сказалъ Китченеръ, тѣмъ лучше будетъ для нея самой, для насъ и всего міра, но если она раньше трехъ лѣтъ не захочетъ сдаться на милость побѣдителя, то вы убѣдитесь въ томъ, что мы исполнены непреклонной готовности бороться до конца, не останавливаясь ни передъ какими жертвами».

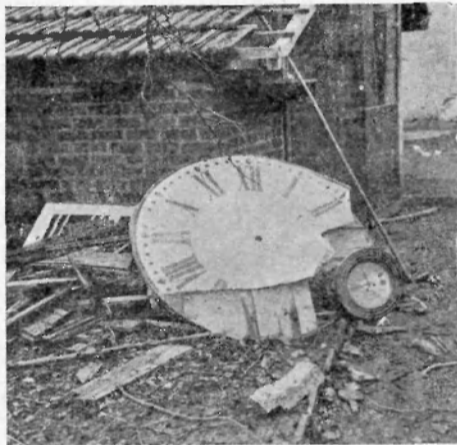
Военный фондъ Шведской газеты.

ШВЕДСКАЯ газета «Faderneslandet» «и чужанная ужасами войны возмѣла, гениальную мысль обезпечить Швецію развѣ навсегда въ матеріальномъ отношеніи на случай войны черезъ... Для этой цѣли газета великодушно пожертвовала 100 кронъ, которыя и должны быть помѣщены въ иностраннѣйшій банкъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ короля. Капиталъ долженъ лежать въ банкѣ неприкосновеннымъ и увеличиваясь за счетъ своихъ процентовъ въ теченіе 1840 лѣтъ. Если банкъ будетъ платить только 3%, то черезъ указанный срокъ онъ достигнетъ суммы 3.433.000.000,000 кронъ, которая съ избыткомъ покрываетъ все національное богатство Швеціи. Располагая такимъ фондомъ Швеція можетъ не бояться никакой войны. Эта мысль высказана газетой въ день ея перваго объявленія о пошлскѣ на 1915 годъ.

Английскіе евреи на войнѣ.

«TIMES» приводитъ данныя объ участіи евреевъ въ англійской арміи. Передъ объявленіемъ войны въ британской арміи было 500 евреевъ, а теперь ихъ болѣе 5.000, въ томъ числѣ 450—офицеровъ арміи и флота. Пропорционально своей численности въ странѣ, евреи должны были бы дать лишь 3.200 волонтеровъ. Евреи имѣются и въ колониальныхъ войскахъ: въ канадскомъ корпусѣ—200 евреевъ, изъ нихъ много русскихъ и румынскихъ эмигрантовъ. Есть солдаты и офицеры-евреи изъ Австраліи, Новой Гвинейи и Самоа. Особенно много евреевъ въ южно-африканскихъ полкахъ.

Въ донесеніяхъ Френча нѣсколько разъ упомянуты еврей-офицеры, въ томъ числѣ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ авиаторовъ—лейтенантъ Мариксъ. Много евреевъ погубило и на сушѣ, и на морѣ.



Положеніе Бельгіи.

«VORWARTS» даетъ слѣдующую характеристику экономическаго положенія Бельгіи.

Всякая мысль о какомъ либо экономическомъ провѣтваніи занятой нами Бельгіи совершенно исключается. Поѣздка между Брюсселемъ и Льежемъ туда и обратно (разстояніе равное 8,5 англійскихъ миль), требуетъ отъ четырехъ до пяти дней времени! Путешествіе изъ Брюсселя въ Гентъ вообще невозможно, и между этими двумя важными пунктами до сихъ поръ нѣтъ правильнаго почтоваго сообщенія.

Въ Льежѣ нѣтъ никакой почты. Въ Брюсселѣ, гдѣ почта въ нормальное время обслуживается 825 штатными чиновниками и 250 сверхштатными, германскія власти съ трудомъ могли собрать 150 человекъ, которые согласились ра-

ботать, но лишь подъ начальствомъ бельгійскихъ должностныхъ лицъ. Телеграфъ, пригородныя желѣзныя дороги и подземная желѣзная дорога и телефонъ бездѣйствуютъ.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ фрахты необычайно высоки. Перевозка одной тонны угля по желѣзной дорогѣ стоитъ франкъ за одинъ километръ, такъ что уголь, стоящій въ центрѣ угольной промышленности въ Геннегау 18 франковъ, стоитъ въ Гентѣ 35 франковъ за тонну.

Еще хуже дѣло обстоитъ съ сырьемъ которое совершенно отсутствуетъ. Стекланная промышленность прекратилась. Въ такомъ же положеніи находится и металлическая промышленность, если не считать мастерскихъ Коккерля, нѣкоторыхъ заводовъ Серенга, гдѣ рабочіе работаютъ за ничтожную поденную плату въ два франка въ день. Но и эти заводы работаютъ только благодаря поддержкѣ германскаго кредита. Каменноугольныя предприятия, за отсутствіемъ сбыта, работаютъ два или три дня въ недѣлю. Сахарная промышленность прекратилась, какъ прекратили свое дѣйствіе и всѣ каменоломни, ибо воспрещено примѣненіе динамита. О строительной промышленности не можетъ быть и рѣчи за отсутствіемъ кирпича и лѣса.

Почти всѣ безъ исключенія газеты кончили свое существованіе. Не работаютъ ни типографы, ни литографы. Антверпенская гавань мертва. Денежное обращеніе фактически прекратилось.

Число безработныхъ въ Бельгіи достигаетъ по крайней мѣрѣ 90%. Нѣкоторые рабочіе еще живутъ кое-какъ, благодаря поддержкѣ общины. Что же касается кассъ профессиональныхъ союзовъ, то средства послѣднихъ исчерпаны совершенно. Многочисленный классъ бельгійскихъ должностныхъ лицъ испытываетъ ужасающую нужду и существуетъ на счетъ общественной благотворительности. Изъ 170 тысячъ жителей въ Брюсселѣ 50 тысячъ ежедневно стоятъ передъ дверями общественныхъ столовыхъ, ожидая порціи похлебки. Составъ этихъ голодающихъ необычайно разнообразенъ. Среди нихъ есть представители всѣхъ классовъ населенія.

Премія мира бельгійскимъ бѣженцамъ.

НОБЕЛЕВСКАЯ премія мира за 1915 годъ до сихъ поръ никому не присуждена. Какъ сообщаютъ шведскія газеты, теперь возникла мысль распределить ее между бельгійскими бѣженцами въ Голландіи.

818 11
1-14
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

ОТЕЧЕСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Еженедельный иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событіями міровой жизни и даетъ ихъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной лѣтописью НАРОДНОЙ ВОИНЫ. ■ Изъ номера въ номеръ дается въ иллюстраціяхъ и статьяхъ обзоръ военныхъ дѣйствій НА СУШЬ, НА МОРЬ И НА ВОЗДУХЪ; текстъ иллюстрируется картами, портретами, фотографіями и рисунками съ природы. ■ Журналъ имѣетъ спеціальныхъ фотографовъ и художниковъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Д. Кардовскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. Радаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участие.

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. А. Ахматова, Ю. К. Балтрушайтисъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Ив. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Г. Вильямсъ (Dr. H. Williams), М. О. Гершензонъ, Влад. Гиппіусъ, Г. Гребенщиковъ, Н. С. Гумилевъ, Б. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Дымовъ, Н. Н. Евреповъ, И. В. Жилкинъ, Б. К. Зайцевъ, Е. И. Замятинъ, Игорь-Сѣверянинъ, А. Измайловъ, Д. Н. Крачковскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. И. Купринъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Пэрсъ (Bernard Pears), С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, Федоръ Солежубъ, В. Б. Станкевичъ, Ив. Странникъ, П. Б. Струве, В. Танъ, проф. Е. В. Тарле, Н. Д. Телешевъ, М. Толмачева, Гр. Ал. Н. Толстой, А. В. Тыркова, Тэффи, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Г. И. Чулковъ, В. Шишковъ, П. Е. Щеголевъ, А. М. Федоровъ и др.

Въ журналѣ «ОТЕЧЕСТВО» примутъ участіе М. Барресъ, Ж. Гэдъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.

Редакторъ-Издатель **З. И. ГРЖЕБИНЪ.**

ЦѢНА ПОДПИСКИ: съ доставкой и пересылкой на годъ **7 р.**, на полгода **3 р. 50 к.**
Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ. На станціяхъ жел. дорогъ—20 к.

ПРОБНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 15 КОП. МАРКАМИ

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Для годовыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала, допускается разсрочка: при подпискѣ—**3 руб.**, 1-го февраля—**2 руб.** и 1-го мая—**2 руб.**

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Б. Болотная, 10. Тел. 159-53.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА